

УДК.94(5)
ББК 63.3(0)52

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИРАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII ВЕКЕ

О.А. Никонов

Аннотация. *Статья посвящена становлению межгосударственных договорных отношений Ирана и Российской империи в XVIII веке. Особое внимание уделено механизмам выработки и принятия решений при заключении Рештского и Гянджского соглашений. Внешнеполитическая конъюнктура начала семнадцатого столетия подталкивала российские власти к укреплению связей с Ираном, как необходимому условию для развития транзитных операций с Индией и ханствами Средней Азии. Политический кризис в Иране позволил России вмешаться во внутренние дела соседнего государства и юридически закрепить за собой политические, торговые и территориальные преимущества. Кончина Петра I и отход от «восточной» ориентации Российской империи позволили шахскому Ирану навязать собственные условия межгосударственно-правового регулирования. Вместе с тем, отсутствие нормативных договоренностей в пограничном вопросе стало почвой для взаимных территориальных претензий, и в конечном итоге, к пересмотру в XIX веке заключенных договоров.*

Ключевые слова: *Ирано-российские отношения, межгосударственные договоры, внешняя политика Ирана, Гянджа, Решт, Надир шах.*

273

IRAN-RUSSIA LAW REGULATION IN XVIII CENTURY

O.A. Nikonov

Abstract. *The article is devoted to the formation of interstate agreements between Iran and Russian Empire in XVIII. Special attention is dedicated to delicate devices that were to work out and adobe such agreements as Reshtskoye and Gyandzhkoe. International conditions in the beginning of the XVIIIth made Russian authorities strengthen their links with Iran as a necessity to develop transit with India and khanates of Middle Asia. Political crisis in Iran let Russia interfere with internal affairs of the neighboring state, and made it be a lawful representative of legal, trade and space preferences. The death of Peter the Great and backing off the Eastern Orientation of Russian Empire let Shah's Iran install his own conditions of interstate and law regulations. However the lack of legal documents of mutual border-*

lines became a ground for territorial claim that led to revision of agreements, made in XIX.

Keywords: *Russian and Iran relationship, interstate agreements, Iranians foreign policy, Gyandzha, Reshtm Nadir-shah.*

С началом XVIII в. контакты Ирана и России вошли в стадию формирования правового поля двусторонних отношений. Вплоть до начала столетия связь между государствами осуществлялась в рамках взаимного приятия царствующих особ, что выражалось в обмене мнениями по текущим вопросам и в посылке нерегулярных посольств. Первые шаги с намерением установить официальные договорные отношения были сделаны во времена Шаха Аббаса I и царя Михаила Федоровича. Принимая с ответным визитом князя Бориса Барятинского, шах приватно сказал: «я де только и нашел во всех окрестных государствах в правде крепко стоять московского государства великие государи <...> слово их со мною в братской любви ложно не бывало» [1, л. 80 об.]. На деле заявление шахской короны о стремлении к нормализации отношений с северным соседом было обычным проявлением политеса. В середине XVII в. у Ирана было куда больше проблем со своим западным соседом — Османской империей, и до отдаленной Московии руки так и не дошли. Первый осторожный интерес к России проявился только в начале XVIII в., когда была организована отправка двух посольств (Казим бека и Фазл Али бека). И, напротив, иранская сторона оказала сдержанный прием царским посланникам. Вместе с тем, в 1639 г. Иран

заключил Зохабский мирный договор с Османской империей, значительно ограничивший права шаха на заключение договоров с третьими странами, включая Россию.

Пассивность Ирана позволила России перехватить инициативу в деле расширения двусторонних контактов. Этому способствовали объективные обстоятельства превращения страны в крупное евразийское государство. Потребности, вызванные военными расходами на ведение Северной войны, диктовали необходимость поиска нового (внешнего) источника доходов, а кроме того, возросшие потенциалы отечественной промышленности подталкивали Санкт-Петербург к освоению соседних сырьевых и потребительских рынков. В перспективе рассматривались возможности установления контактов с рынками экзотических товаров Индии и Китая. Кроме того, столичный двор, перенявший благодаря усилиям Петра I, европейское стремление к роскоши, был крайне заинтересован в приобретении шелковых изделий из Гиляна, шерстяных тканей из Кашмира, драгоценных камней из Центральной Азии. В таких обстоятельствах, установление прочных правовых отношений с Ираном (Персией) представлялось как оправданный и необходимый шаг.

Первая попытка придать устойчивый юридический характер российско-иранским отношениям была

предпринята в 1715 г., когда в Исфахан, бывший тогда столицей шахского государства, был направлен Артемий Волынский. Перед российской миссией Петр I очертил весьма широкий круг задач. Волынскому поручили изучить состояние местного рынка, собрать сведения о сезонных и географических особенностях региона, а также попытаться выведать возможности местной сухопутной и речной транспортной сети. Особое внимание полагалось уделить прикаспийским провинциям. Главное, что интересовало Петра I — это «до которых мест по оным рекам можно ехать от моря, и нет ли какой реки из Индии, которая бы впала в сие море <... и...> есть ли на том море и в пристанях у шаха суды военные или купеческие» [2, с. 24]. Помимо установления двусторонних коммерческих отношений перед дипломатическим посольством стояла еще одна задача — достижение договоренности о нормах транзита через иранскую территорию в третьи страны. В инструкции, данной Волынскому, Петр I приказывал узнать «невозможно ли через Персиду учинить купечество в Индию, и о том пути, и о торгах, какие у них, индийцев, с персами, оные обретаются» [там же, с. 26-27].

Следует признать, что для заключения договора время было выбрано не совсем удачно. Прежде всего, в Иране были проинформированы о реакции Санкт-Петербурга на разгром экспедиции князя А. Бековича-Черкасского, и убийстве ее главы в азиатских степях. (Бытовало мнение, что ответственность за злодеяние хана Ширгазы Петербург возложит на Иран.) Во-вторых, 15 августа 1715 г. Иран пролонгировал

договор о торговых капитуляциях с Францией. Заключенный от имени шаха Мохаммедом Реза беком трактат с европейскими дипломатами увеличивал перечень ранее достигнутых Францией льгот. С момента подписания договора все коммерсанты из Франции, а также их союзники, имеющие право апеллировать к французской короне с требованием о покровительстве и защите, могли вести экспортно-импортные операции беспрошленно, включая все европейские и восточные страны (п. 2). Шах брал на себя обязательство содержать торговые лавки, склады и дома всех французских подданных за свой счет (п. 4). Наконец, французский консул признавался дуайеном, что давало ему преимущество перед всеми иностранными дипломатам на территории Ирана (п. 5) [3, с. 11].

Поэтому приезд весной 1717 г. Волынского в страну был воспринят персами настороженно. В реляции посла на имя Петра I отмечалось, что в Иране знают о затяжной войне России в Европе, а потому «Грамоты ваши почитать не стали, и для того сей хан в своей к нам ласке вдруг перемену показал» [4, с. 36].

Посланник Петра пробыл в Иране до 1718 г. Несмотря на все сложности, возникшие перед российской миссией, торговый договор (асикурацию) все же удалось заключить, однако желаемого Петром эффекта он не принес. От имени шаха свою подпись под документом поставил первый визирь Тахмаспа-Иттимад-уд-Доуле. Статьями торгового договора за русским купечеством закреплялись отдельные льготы. В частности, товары, поставляемые в центральные провинции Ирана, освобождались от

пограничного досмотра и так называемых «рахтарных» сборов (таможенная пошлина. — *О.Н.*). Во-вторых, иранские власти гарантировали русским купцам военную защиту от грабежей на дорогах и брали обязательство пресекать незаконные поборы со стороны местных чиновников (беглербегов). В случае крушения судна или воровства товаров в пути на территории Ирана, шахские власти были обязаны искать провинившихся и возвращать имущество владельцу. В-третьих, российские купцы получили право свободного найма местного вьючного транспорта. Наконец, в-четвертых, российские коммерсанты получили право пользоваться для защиты от притеснений со стороны туземных властей дипломатической поддержкой императорского консульского аппарата, создаваемого в Иране. Для поощрения двусторонних торговых связей в договоре предусматривалось одинаковое взимание торговых пошлин с иранских и российских купцов, а самое главное, — договор разрешал российским коммерсантам самостоятельно закупать шелк-сырец в Гиляне и Ширване и отправлять его в Россию [5, с. 86]. В 1719 г. договор вступил в силу. Опираясь на положения трактата о консульском сопровождении торговых связей, указом Петра I от 11 сентября 1720 г. в Иране открывалось два дипломатических поста. Статус консула с постоянным местопребыванием в столице — Исфахане получил Семен Аврамов, а Алексей Баскаков занял пост вице-консула в Шемахе [6, л. 1].

В отечественной исторической науке еще с XIX в. сложилось мнение, что заключение торгового дого-

вора стало не только определенным этапом становления двусторонних правовых отношений, но и началом смещения интересов Российского государства в сторону укрепления своих позиций в прикаспийских землях. Впервые эту точку зрения высказал Д.А. Корсаков [7, с. 292]. В наше время этой позиции придерживается историк-востоковед Г. Мамедова [8, с. 16]. Однако это мнение представляется не совсем верным. Прежде всего, следует иметь в виду, что ни одна статья соглашения не оговаривала право России на свободный транзит в третьи страны (Индию, Китай, азиатские ханства), ради чего, собственно, и устанавливались договорные отношения с Ираном. Во-вторых, в договоре не оговаривались права России на участие в торговле иранским шелком в странах Европы.

Кроме того, без надежных позиций империи в прикаспийских землях Ирана, неважно как обеспеченных — юридически или военным путем, говорить об усилении русского присутствия в Среднеазиатских ханствах, не могло быть и речи. В том, что такая заинтересованность российского правительства существовала, говорит факт поиска «песошного золота» в районе Амударьи. Ошибочные предположения сибирского губернатора М.П. Гагарина о наличии золотоносных залежей в Синьцзяне (Китай) в районе г. Яркенда (Эркета) привели к появлению планов по развитию здесь золоторудного дела и строительства форта на Ямышевом озере. С этой идеей носились почти два десятка лет, включая почти 15 лет после подписания торгового договора. И только экспедиция Угрюмова 1732–33 гг.

доказала, что река Дарья, которая фигурировала в рассказе Ф. Трушниковца, давшего повод для начала изысканий, — это не Амударья, а Тарим, или Тарим-Дарья, отстоящая от Ямышева озера в 1,3 тыс. верстах [4, с. 7]. Наладить бесперебойную связь между месторождением и русским фортом в условиях сплошного бездорожья было делом безнадежным. Угрюмов подтвердил наличие золотых месторождений в Синьцзяне, но даже не у Яркенда, а у города Керии [там же, с. 29].

Таким образом, в начале 20-х гг. XVIII в. Россия никак не могла быть удовлетворена достигнутыми договоренностями с Ираном — нужны были более прочные основания для развития индийского и азиатского торгового направления. Конечно, во время правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны прорабатывались альтернативные «индийские маршруты»: через Астрахань — Мангышлак (проект графа Р.Л. Воронцова) [9, л. 1]; через Оренбург — Ташкент (проект И. Неплюева и генерал-майора А.И. Тевкелева) [10, л. 1] и др. Однако отсутствие контроля над закаспийскими территориями делали эти проекты малоперспективными. По существу, только развитие тесных отношений с Ираном создавало условия для установления транзитных связей с отдаленными восточными рынками.

Неудовлетворенность положениями достигнутого соглашения в определенной степени ускорила подготовку военного похода. То, что военная акция была не спонтанной, свидетельствует длительная и тщательная подготовка. С 1718 г. в Казани, Твери, Волочке, Угличе и Ярос-

лавле было построено 80 ластовых судов и острогских лодок, велась картографическая съемка приграничных территорий в Иране и пр. Нужен был повод. Вторжение афганских войск в Иран дало возможность осуществить задуманное предприятие под благовидным предлогом — помощи законному монарху. Командование экспедиционным корпусом было доверено графу Апраксину. 28 июля русские части двинулись из Астрахани вдоль Каспийского побережья и спустя месяц заняли город Дербент. В 1723 г. был взят Баку, после чего начались переговоры о мире.

Договор был подписан послом шаха Тахмаспа Исмаил беком и лично Петром I. По этому соглашению Россия получала «в вечное владение города: Дербент, Баку, со всеми к ним принадлежностями по Каспийскому морю лежащими землями и местами, а также провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад», которые, как отмечалось во II-й статье договора, должны «от сего времени вечно в стороне его императорского величества оставаться и в его подданстве быть» [11, л. 6-8]. Россия признавала право наследника Сефевидского рода — шаха Тахмаспа владеть всеми прочими провинциями Ирана, что на самом деле было фикцией, поскольку реальный контроль над территориями держали афганские завоеватели. Договор, помимо прочего, устанавливал правила русско-иранской торговли. С момента подписания документа всем торговым людям разрешалось свободно пересекать границу соседних государств и свободно вести дела. Ст. IV-я особо подчеркивала, что «никому в том никакой задержки и обиды учинено не

будет, ежели б кто кому какую обиду учинить дерзнул, то оные за то от Их Величества жестоко наказаны будут» [3, с. 28].

К сожалению для Российской империи, этот договор так и не вступил в силу. Причиной отказа от ратификации договора стал рост антирусских выступлений на территориях занятых экспедиционным корпусом. Посланные в ставку шаха для ратификации соглашения гвардейский унтер-лейтенант Борис Мещерский и консул Аврамов были холодно встречены шахским двором. Пробыв здесь несколько недель, они не смогли добиться искомого, напротив, им заявили, что Исмаил бек не имел полномочий подписывать такой документ. Окончательно отказались от исполнения договора после очередного политического кризиса в Иране, связанного с убийством в Исфахане шаха Мир Махмуда. После этого события афганская знать объединилась вокруг племянника покойного монарха — хана Ашрафа (Эшрефа, как его поминают в российских архивных документах. — *О.Н.*) с целью возвести его на шахский престол.

В борьбе за иранский трон, не считая внешних заинтересованных игроков в лице Османской империи, Франции и России, сошлись два лагеря: шаха Тахмаспа II с его лучшим военачальником Тахмасп Кули ханом и хана Ашрафа, объединившего афганских завоевателей. Перед российской дипломатией встал довольно сложный выбор — кого из претендентов можно считать потенциальным союзником для решения первоочередной задачи — защиты собственных территориальных завоеваний, купеческих льгот и преиму-

ществ, как в бассейне Каспийского моря, так и в Закавказье. Однако кончина Петра I, главного инициатора активной восточной политики империи, привела к охлаждению Петербургского двора к восточной проблематике. Разрешение династического датско-голландского спора стало «самодовлеющей целью» государства. Как справедливо прокомментировал сложившуюся ситуацию посол в Париже Борис Куракин в письме на имя канцлера Андрея Остермана от 19 июня 1725 г.: «Ежели рассуждать о турецких интересах и персических, есть так бесконечны и безнадежны, что, наконец, понуждены будем все то оставить, но смотреть на главный свой интерес в Европе, понеже довольно желузии (ревности. — *О.Н.*) имеем с сей сторонь» [12, с. 19].

Заморозка непосредственного участия Российской империи в делах Ирана ситуацию в сопредельном государстве только ухудшила. На «иранское наследство» стала претендовать Османская империя. Российскому послу в Стамбуле Ивану Неплюеву в конце января 1726 г. от визиря Ибрагима поступило предложение заключить договор о разделе Ирана [13, с. 35]. В качестве основного аргумента турецкий визирь в разговоре с Неплюевым использовал тот факт, что «когда Эшреф утвердится, то со временем и у России отберет Гилян и Дербент» [14, с. 40].

Новый поворот в деле означал для Ирана серьезную угрозу потери не только пограничных с Портой территорий, но и возможность утраты своей самостоятельности. Поэтому в мае 1727 г. в Решт из Казвина от хана Ашрафа и губернатора казвинской провинции Саидал хана

прибыл эмиссар Ага Касы бек. В его задачу входило убедить российскую сторону в необходимости скорейшего заключения двустороннего соглашения. В качестве предварительных условий выступали обязательства афганской стороны признать передачу ранее оговоренных иранских провинций России на «веки вечные». В качестве ответной услуги хан Ашраф надеялся получить военную помощь России в борьбе за шахскую корону. Для России, несмотря на всю перспективность предложения, однозначное принятие условий афганской партии грозило затягиванием в затяжной гражданский конфликт, способный перерасти в полномасштабную гражданскую войну. О перспективах такого участия, памятуя развязанную иранцами партизанскую войну 1724–25 гг., высказался генерал-фельдмаршал князь Василий Долгорукий, бывший главнокомандующий русскими войсками в Иране. Ощувив все «прелести» отношения местных к иностранным завоевателям на собственном опыте, он писал: «сколько времени с начала вступления наших войск в Персию без всякой прибыли. И впереди не видим, чтоб могли убытки свои возвратить. Сколько денег, провианту, амуниции, адмиралтейство в Астрахани содержим, с начала вступления наших, сколько рекрут и солдат употреблено <...> без плода <...> а конца не видим, и по человеческому рассуждению трудно конца ожидать — между такими азиатскими народами мы вмещались. Разве всевышний <...> согласие, или мир между басурманы сделает» [15, л. 221-223].

Иную точку зрения высказал непосредственный начальник экспеди-

ционного корпуса — генерал Василий Левашов. Он считал, что такое соглашение возможно при учете всех обстоятельств, то есть внешнеполитической конъюнктуры и гражданской ориентированности иранского общества. Поэтому, приняв афганского посланника, Левашов убедил последнего в необходимости тайного ведения переговоров. Для выработки окончательного варианта договора генерал Левашов и Саидал хан выбрали небольшой поселок Рукбар [16, л. 23-25]. Новые обстоятельства вынудили Верховный Тайный совет империи собрать представителей ГКИД и военного командования для определения размеров территориальных претензий к Ирану. Фельдмаршал Долгорукий советовал ограничиться сохранением под контролем только города Баку. Доводом в пользу такого «урезанного» требования, по мнению Долгорукого, было наличие только здесь готового порта, крепости и запасов сырой нефти. Кроме того, для контроля юго-западного Каспия и Закавказья Баку имел большое военно-стратегическое значение. Главная ценность Баку, по мнению генерал-фельдмаршала, в том, что город прикрывал мушкурские и дербентские уезды, что, в свою очередь, позволяло России в случае обострения отношений с Ираном или Османской империей, или военного конфликта на Кавказе, пользоваться перевалом Табасарак для переброски войск. Как писал Долгорукий, морская бомбардировка и десант в состоянии разорить все побережье Астрабадской, Мазендеранской и Гилянской провинций [17, с. 150]. Здесь уместно отметить, что о значении Баку и Дербента для защиты своих

интересов на Каспии задумывались еще Московские власти. Именно эти города были предметом договоренностей с шахом Мохаммедом Худабенде в обмен на помощь в борьбе с турками. Спустя почти сто пятьдесят лет, значение этих городов практически не изменилось. Если вернуть город, писал князь в своей реляции, «в Дербенте никакой пользы и интересу вашего императорского величества нет, дохода с нея почти никакого нет <...> то как Дербент, так и Крепость Святого Креста кроме одной славы пользы от них нет» [18, л. 7-8].

Поэтому в качестве встречного предложения Ашрафу Россия выдвинула следующие условия заключения мира: возврат под юрисдикцию Ирана провинций Мазандеран и Астрабад, а в крайнем случае, всех территорий, занятых российскими частями до реки Куры, исключая города Дербент и Баку с уездами [16, л. 37-38 об.].

Воплотить проект в реальные выгоды для России не удалось. Террор, проводимый ханом Ашрафом в контролируемых провинциях привел к росту антиафганских сил, сплотившихся вокруг шаха Тахмаспа. Кроме того, уже после ратификации соглашения Ашраф, который удерживал в своей власти центральную часть Ирана, с оружием в руках попытался изменить условия соглашения. На такой поступок его подтолкнул договор, сепаратно заключенный в октябре 1727 г. с султаном Ахмедом III. Хамаданский договор, признавая Ашрафа шахом Ирана, оставлял за султаном право именоваться главой всех суннитов, включая афганских. Кроме того, турецкому султану отходили Тавриз, Ардебиль, Ереван, Ха-

мадан, Зенджан, Тегеран и Казвин со всеми округами, Хузистан и Султанийе, что, принимая во внимание земли между Багдадом и Басрой самостоятельно захваченные султаном в 1724 г., означало потерю 2/5 всей территории Ирана [19, с. 316]. Поражение, которое нанесли русские войска афганским отрядам в Гиляне, вынудило шаха Ашрафа пойти на согласие с прелиминарными условиями. Однако эти события продемонстрировали российской стороне всю ненадежность афганского партнера.

В начале 1728 г. Россия начинает искать возможности для переговорного процесса с противниками Ашрафа. Первым шагом на этом пути стала посылка от имени императора Петра II даров для высших командных чинов из лагеря Тахмаспа II. Из Сибирской канцелярии через генерала-лейтенанта Румянцева им отправили в качестве презента «соболей, мехов белок, сукон на 5 тыс. рублей» [20, л. 3]. Подарки предназначались военачальникам Тахмаспа II и его ближайшему окружению. Столь щедрый дар был адекватно пропорционален падению интереса российской стороны к союзу с афганскими феодалами. Кроме того, спустя два года после начала переговорного процесса Россия стала иначе смотреть на достигнутые договоренности. Прежде всего, удержав за собой Дербент, низовья Куры, Тальш и часть Гиляна до Туникабуна включительно, Россия, отдавала провинции, расположенные на берегу Астрабадского залива [11, л. 8]. Как показали последующие события, только морская база на о. Ашур-Аде позволила наладить отношения с туркменскими племенами в Закаспии.

С возвратом Мазандерана и Астрабада возможности иметь политические и коммерческие контакты с ханствами в Средней Азии практически исчезли. Во-вторых, Ст. 8 вводила таможенные сборы для всех купцов, следующих из России в Иран и обратно. В-третьих, для организации транзитных караванов в Индию или Афганистан, теперь было необходимо выполнить ряд условий. Наконец, в трактате оговаривалось, что при выводе русского контингента с иранской территории, власть здесь обеспечивалась исключительно иранскими силами [3, с. 28], но уверенности у отечественных руководителей в возможности Ашрафа обеспечить этот пункт не было.

В мае 1730 г. состоялось совещание Верховного тайного совета, куда для обсуждения иранских и турецких дел были призваны генерал-фельдмаршал В.В. Долгорукий и Президент военной коллегии империи князь М.М. Голицын. Разработка проекта соглашения с партией Тахмаспа II велась по тому же сценарию, что и с афганской партией. Главная цель российской стороной виделась в подписании официального документа, который бы юридически оформил право империи на владение двумя портовыми городами — Баку и Дербентом. Предметом для торга являлись земли на северо-востоке Ирана до реки Куры включительно, очерченные статьями Петербургского договора. Было принято решение в случае необходимости уступить эти земли, но любой ценой сохранить необходимые для политического влияния в Закавказье, а главное для военно-морского строительства на Каспии порты.

Переговоры с представителями Тахмаспа II вновь доверили генералу Левашову. В империи предполагали, что основным условием подписания мирного соглашения вновь станет военная помощь России в борьбе с горскими бунтовщиками, афганцами, или турками. В обстоятельствах политического раскола в Иране, императорскому правительству было важно сохранить видимый нейтралитет, а потому Левашову особо указывалось «отнюдь тою помощью не обязываться» [21, л. 1-2].

Обоснованность избранной позиции подтвердили уже ближайшие события. Подавление афганских сил Эхтиматом Давле и Тахмас Кули ханом сопровождалось крайней жестокостью, мародерством и грабежами. Сохранив нейтралитет, Россия получила возможность политического маневра и шанс найти наиболее выгодного партнера для подписания окончательного трактата.

После смерти Петра II и восшествия на престол Анны Иоановны иранская сторона поспешила обратиться к новой императрице с предложением о заключении мирного трактата. Десять дней спустя после коронации русская императрица объявила шаху о готовности его подписать [22, л. 2 об.]. В скором времени состоялись две аудиенции Анны Иоановны с иранским послом Ибрагимом мирзой [там же, л. 3 об.; 6].

Вести о намерении империи заключить мирный договор шаху доставили при посредничестве генералов Левашова и Румянцева. Приближенным шаха они везли в подарок «10 сабель посредственных и несколько мелких медалей золотых на цепях, 4 меха горностаевых <...> на

покрышку сукон, да на делание знамен 6 косяков камок» [21, л. 3-4 об.]. Самому шаху, по устоявшейся традиции, в подарок послали 35 ловчих птиц: балабанов, соколов, ястребов [23, л. 6]. Именно Левашову и Петру Шафирову указом 16 августа 1730 г. дали «полную мочь» для ведения переговоров с Тахмаспом II [22, л. 17 об.]. В последних наставлениях Левашову особо указывалось на необходимость отстаивания кардинального условия: вывод российских войск и передача территорий возможны только при замене русского корпуса войсками шаха [22, л. 19 об.]. При этом российская делегация должна была подчеркнуть, что «хранила» эти территории, чтобы не допустить утверждения на них власти Ашрафа. В помощь командующему шахскими войсками Тахмасп Кули хану для войны с турецкими гарнизонами в Азербайджане генерал Левашов послал артиллеристскую команду, проявившую себя при осаде Ардевила [24, с. 95].

На основе достигнутых предварительных договоренностей, в июне 1731 г. был выработан проект трактата, доставленный в Петербург Ибрагимом Мирзой. Подчеркивая вечную и нерушимую дружбу между государствами, иранский шах брал на себя обязательство «от колена до колена, что будем содержать с ея императорским величеством и государями российскими вечную ненарушимую соседственную дружбу, и иметь их неприятелей за своих неприятелей» [25, л. 29]. Там же оговаривался порядок коммерческих взаимоотношений. Так, в частности, в 3-й статье говорилось о свободном отправлении купечества. Оговаривался режим

торговых операций между государствами. Соглашение гарантировало, что с реэкспортных русских, так и иранских товаров, торговлю которыми осуществляют представители России, таможенные пошлины будут упразднены. Кроме того, русские купцы получили право беспошлинной торговли с Индией. В частности, отмечалось, что российские купцы, которые «объявят свидетельские листы от пограничные ея императорского величества управителей, что они подданные российские [могут...] для своего купечества во Индию или во иные страны ехать» [там же, л. 30]. Договор гарантировал защиту русского купечества при различных форс-мажорных обстоятельствах. В случае крушения русского торгового судна у берегов Ирана местные власти были обязаны спасти купца и его имущество, команду судна и возвращать на родину «без убытков» (поборов. — *О.Н.*). В статье 4-й соглашения оговаривались права и льготы иранских предпринимателей. Они были куда скромнее преимуществ российских купцов. В частности, таможенные сборы предполагалось не брать только с тех купцов, которые едут на внутренние рынки Российской империи с казенными (шахскими) товарами. Статья 6-я договора имела непосредственное отношение к правовому регулированию, поскольку предполагала помимо уже существующих постов резидентов при дворах, создание в обеих странах специальной консульской службы («персонам умным с чинов консулов или агентов» [там же, л. 32 об.]. В задачу новой дипломатической структуры должно было войти разрешение имущественных тяжб

между русскими и иранскими частными коммерсантами и арбитраж торговых споров.

Однако приступить к реализации достигнутых договоренностей не удалось из-за спровоцированного шахом правительственного кризиса. Подозревая Тахмасп Кули хана (будущего шаха Надира) в попытке узурпировать трон, шах Тахмасп решил завоевать себе военную славу и ввязался в авантюру на западной границе. Итогом этого шага стало не только сокрушительное поражение иранских войск от Османской империи, но и свержение Тахмаспа в пользу его малолетнего сына Аббаса III. Осуществивший переворот Тахмасп Кули хан принял должность векиля — регента.

В новых условиях проект соглашения требовал основательной корректировки. Для улаживания разногласий в Иран был отправлен в качестве посла Российской империи опытный дипломат Сергей Голицын. Кроме проекта договора, Голицын вез с собой и секретные инструкции. Суть этих секретных положений можно свести к следующему. Во-первых, Голицын был обязан предотвратить возможность сепаратного сговора иранской стороны с турецким султаном в вопросе пограничного разграничения. Во-вторых, в случае начала переговорного процесса между Ираном и Османской империей по поводу мирного урегулирования, Голицын был обязан настоять на обязательном участии России в этом процессе. В-третьих, российский посол был обязан собрать сведения о внутривосточной расстановке сил, собрать информацию о текущих событиях, состоянии воору-

женных сил, дипломатической активности иностранных держав и прочее, то есть все те задачи, которые обычно выполняют разведывательные службы. О любых серьезных событиях Голицын был обязан незамедлительно доносить шифрованным посланием в столицу. В виду особого интереса российского правительства к предстоящим переговорам, инструкция была подписана всеми ответственными лицами: Гаврилой Головкиным, Остерманом, Алексеем Черкасским и фон Минихом [26, л. 6-11 об.].

В ходе переговоров векиля Тахмасп Кули хана и Голицына удалось прийти к взаимному соглашению, результатом которого стал трактат, состоящий из 9 пунктов. Этот договор был несомненным успехом российской дипломатии и личной заслугой Голицына. Договор предполагал взаимное обязательство сторон о соблюдении норм экстрадиции пленников и преступников (Ст.1) и вменял соответствующим службам обязанность обмениваться политической информацией. Как отмечалось в Ст. 8-й документа: «во всем добрыми советами служить» [27, л. 11]. Договор закреплял право России участвовать в любых переговорных процессах Ирана с Османской империей, включая мирные соглашения. Если такие условия возникали, Россия автоматически становилась участником этих переговоров (Ст. 5). В случае возникновения войны между Османской империей и Ираном, военные действия прекращались при условии, когда «обои стороны (имеется в виду Иран и Россия. — *О.Н.*) полное удовольствие получают» (Ст. 6) [там же, л. 9 об.]. Учитывая

непростые отношения России и Османской империи, эта статья лишила Иран возможности любых отдельных соглашений с турками. Кроме того, военная, техническая или финансовая помощь Ирану Российской империей оказывалась в исключительном случае — прямой агрессии султана, а не наоборот. Следует признать, что выработанные в ходе переговоров формулировки статей оставляли для России определенную свободу действий, необходимой ей, а не Ирану, возможности военного и политического маневра. Кроме того, навязанные Ирану ограничения в известной мере гарантировали «управляемость» внешнеполитического курса сопредельного государства. Наконец, статья 7-я гарантировала односторонние обязательства Ирана компенсировать ущерб российскому купечеству, пострадавшему в ходе политической смуты на территории страны. Ратификация договора и вступление его в силу предполагалось в течение шестимесячного срока со дня подписания (Ст. 9) [там же, л. 11 об.]. Договор был составлен в двух экземплярах и хранился у иранской и русской стороны на случай возникновения разногласий

Несмотря на достигнутое соглашение, удовлетворения, теперь уже иранской стороне, трактат не принес. Помимо существенных ограничений во внешнеполитической самостоятельности, он закреплял отторжение от Ирана ряда стратегически важных пунктов. Поэтому сразу после окончания обсуждения иранская сторона предприняла серьезные усилия для пересмотра статей договора. Камнем преткновения для ратификации стали территориальные пре-

тензии иранской стороны. Спор касался городов Баку и Дербент и их окрестностей. У вейли Тахмасп Кули на Баку имелись собственные планы. Он рассчитывал впоследствии превратить этот порт в базу собственного военно-морского флота. Кроме того, контроль над Баку позволял шаху иметь законное право вмешиваться в дела горских народов. Сохранить свое влияние на Кавказе для Ирана было крайне важно, поскольку это не только создавало буферную зону с Россией, но и гарантировало невозможность тайного сговора горских народов с наиболее опасным соседом — Османской империей. И для достижения этой цели иранские чины были готовы пожертвовать многим, включая часть своих «исконных» территорий. В обмен на Баку и Дербент в качестве компенсации за отказ от соглашения, иранская сторона предлагала России на выбор две самые перспективные и богатые провинции — Гилян и Шемаху, а в случае несогласия императорского правительства — обе провинции сразу [28, л. 4-5]. Поскольку в среде российских военных Баку и Дербент считались «воротами» на Кавказ, договориться по этому пункту так и не удалось.

Провал переговорного процесса в Санкт-Петербурге привел к появлению новых инициатив Ирана. Трудно судить, чем руководствовались иранские власти, но почти одновременно с началом дискуссии по территориальному разграничению в Стамбул была направлена специальная миссия шаха. Официальной целью посольства Ага Исмаила была объявлена нормализация пограничных ирано-турецких споров. Несмотря на тот факт, что своей цели по-

сольство не достигло (престарелый Ага Измаил по пути в Тавриз скончался «от тягот путешествия» [29, л. 12 об.]), сама попытка иранских властей самостоятельно урегулировать ирано-турецкие споры сильно обеспокоили Петербург. Возможный альянс Стамбула и Исфахана был куда большей угрозой для России, чем потеря стратегических пунктов на Каспии, и императорские власти решили не настаивать на сохранении своих прав на Дербент и Баку.

Устранение основного противоречия привело к подписанию в январе 1732 г. в г. Решт договора между государствами. В соответствии с рештским трактатом Россия отказывалась в одностороннем порядке и без всякой компенсации от всех, полученных военным путем территорий Ирана (вплоть до реки Куры), а также признавала право Ирана на установление своего протектората в Грузии. Своего рода реверансом в пользу России было признание права свободной (беспошлинной) торговли российскими купцами на территории Ирана. Единственным серьезным преимуществом, гарантированным статьями соглашения, стало право российских купцов свободно перемещаться по территории Ирана, включая въезд в Индию (Ст.3) [30, с. 194]. Договор закреплял право консульских служб следить за условиями ведения торгова. Важный дипломатический нюанс, оставлявший России надежды на сохранение в регионе своих преимуществ, выражался в праве империи отложить возврат территорий до установления в Иране «тишины» [17, с. 161].

Законная власть шаха в Иране укрепились к 1735 г. и у России не

осталось видимых оснований для отказа от достигнутых договоренностей. 10 марта 1735 г. в Гяндже был подписан договор о вечном союзе между Россией и Ираном. Интересы российского государства представлял зарекомендовавший себя как талантливый дипломат князь Голицын, шахские интересы защищал будущий Надир шах. По условиям договора города Баку и Дербент возвращались иранской стороне. Единственное, что удалось отстоять русской делегации, — это невозможность передачи персами этих городов во владение третьих стран. Конечно, под «третьими странами» подразумевалась, прежде всего, Османская империя. В ответ на территориальную уступку иранские власти брали на себя обязательство отказаться от ведения сепаратных переговоров с турецким правительством без предварительных консультаций с русским правительством и без участия дипломатических представителей империи в ходе таких переговоров. В коммерческом плане договор давал ряд льгот купечеству обеих стран. В частности, русским судам разрешалось посещать все иранские порты и гавани, выгружать и складировать свои товары в любых местах и торговать без всяких посредников и без принуждения, «и ни от кого никакое озлобление да не учинится» [3, с. 144]. Такие же права и льготы получили иранские купцы на территории России.

Гянджский договор так же, как и Рештский, был, скорее, выгоден Ирану, чем России. Последняя уступала ряд важнейших стратегических районов, владение которыми могло влиять на расстановку сил как в бассейне Каспийского моря, так и в Закавказье.

казье. Соглашение 1735 г. и последующая эвакуация русских войск из Ирана заложили новый формат отношений между государствами. Конечно, договор не означал отказа империи от намерений укрепиться на Кавказе и Прикаспии, но служил для Ирана определенной гарантией сохранения статус-кво в регионе. Кроме того, опираясь на положения договора, стало укрепляться взаимодействие по линии консульской и курьерской службы обеих монархий. Договоренность о расширении консульской службы была достигнута еще осенью 1734 г. в ходе подготовки основного трактата. Тогда первый министр мирза Хулефи Кафи и С. Голицын договорились «для смотра купечества» открыть русское консульство в Реште [31, л. 5]. Специальный фирман шаха от 14 июня 1740 г. к дербентским и гилянским правителям обязывал всех местных чиновников пропускать без задержки грузов и досмотра почты русских курьеров и купцов, следующих на родину [3, л. 271].

Следует признать, что Рештский и Гянджский договоры имели ряд изъянов, прежде всего в области пограничного разграничения. Трудно судить, насколько это было сознательным шагом договаривающихся сторон, но можно предположить, с учетом последующих завоевательных походов Надир шаха в Среднюю Азию и на Кавказ, что это была идея иранской стороны. Это предположение подтверждается и тем фактом, что после провала военного похода на Кавказ 1741 г. и неудачи похода 1742 г. (части Надир шаха уклонились от прямого столкновения с русскими частями под командованием кизлярско-

го коменданта Е.В. Оболенского) [32, с. 163], иранская сторона в дополнение к договору 1735 г. подписала «пропозицию», где подтверждалась государственная принадлежность пограничных с Россией иранских городов и портов, обозначенных статьями Гянджского трактата.

Попытка российского правительства перезаклучить Гянджский договор в период правления Керим хана Зенда закончилась неудачей, и вопрос о пограничной линии остался открытым. Периодически возникающие по этому поводу споры подвигли генерального консула Российской империи Василия Яблонского в начале 1770-х гг. обратиться с просьбой в ГКИД прояснить этот вопрос. В полученном ответе о границе было написано, что «ее и не устанавливали», за исключением оговоренных в пропозиции «исконных владений» с точным указанием места — Баку, Дербент и пр. [33, л. 15-15 об.].

Таким образом, в течение XVIII в. в ирано-русских межгосударственных отношениях сложилась определенная правовая традиция, которая гарантировала относительную безопасность и стабильность. Вместе с тем, несовершенство системы соглашений, как и меняющаяся внешнеполитическая конъюнктура, стали причиной для ее пересмотра в XIX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. АВПРИ (Архив Внешней Политики Российской Империи). — Ф. 194. — Оп. 3. — Д. 368.
2. Бушев, П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам) [Текст] / П.П. Бушев. — М.: Наука, 1978. — 288 с.

3. Новая история Ирана [Текст] // Хрестоматия / отв. ред. М.С. Иванов, В.Н. Зайцев. — М.: Наука, 1988. — 327 с.
4. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах [Текст]. — М.: Наука, 1986. — 159 с.
5. *Броневский, С.М.* Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеновым Броневским: в 2-х т. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. — 464 с.
6. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 3. — 1720.
7. *Корсаков, Д.А.* Из жизни русских деятелей XVIII века. Историко-библиографические очерки. [Текст] / Д.А. Корсаков — Казань: Тип. Имп. Унив., 1891. — 476 с.
8. *Мамедова, Г.* Русские консулы об Азербайджане (20-60 годы XVIII в.) [Текст] / Г. Мамедова. — Баку: Элм., 1989. — 128 с.
9. АВПРИ. — Ф.109. — Оп. 109/1. — Д. 1. — 1759–1760.
10. АВПРИ. — Ф. 109. — Оп. 109/1. — Д. 1. — 1757.
11. Российский Государственный Архив Экономики (РГАЭ). — Ф. 7590. — Оп. 3. — Д. 25.
12. *Некрасов, Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. [Текст] / Г.А. Некрасов. — М.: Наука, 1976. — 320 с.
13. *Маркова, О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. [Текст] / О.П. Маркова. — М.: Наука., 1966. — 323 с.
14. *Абдурахманов, А.А.* Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. [Текст] / А.А. Абдурахманов. — Баку: Изд. АН. АзССР, 1964. — 100 с.
15. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 17. — 1727.
16. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 15. — 1727.
17. *Никонов, О.А.* Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII-XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук [Текст] / О.А. Никонов. — М., 2011. — 621 с.
18. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 4. — 1728.
19. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века [Текст] / отв. ред. В.В. Струве. — Л.: Изд. ЛГУ, 1958. — 391 с.
20. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 9. — 1729.
21. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 5. — 1730.
22. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 2. — 1730.
23. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 26. — 1730.
24. *Иванов, М.С.* Очерк истории Ирана. [Текст] / М.С. Иванов. — М.: Политическая литература, 1952. — 470 с.
25. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 7. — 1731.
26. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 12. — 1733.
27. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 23. — 1734.
28. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 8. — 1734.
29. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 13. — 1730.
30. *Юзефович, Т.* Договоры России с Востоком политические и торговые. [Текст] / Т. Юзефович. — СПб., 1869. — 296 с.
31. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 1. — Д. 16. — 1735.
32. *Сотавов, Н.А.* Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII века. [Текст] / Н.А. Сотавов. — Махачкала: Даг. Кн. Изд-во., 1989. — 228 с.
33. АВПРИ. — Ф. 77. — Оп. 7. — Д. 129.

REFERENCES

1. Abdurahmanov A.A. *Azerbajdzhan vo vzaimootnosheniyah Rossii Turcii i Irana v pervoj polovine XVIII v.*, Baku, Izd. AN AzSSR., 1964, 100 p. (in Russian)
2. AVPRI (Arhiv Vneshnej Politiki Rossijskoj Imperii), F. 194, Op. 3, D. 368. (in Russian)
3. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 2, 1730. (in Russian)
4. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 5, 1730. (in Russian)
5. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 9, 1729. (in Russian)
6. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 13, 1730. (in Russian)
7. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 23, 1734. (in Russian)

8. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 23, 1734. (in Russian)
9. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 26, 1730. (in Russian)
10. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 4, 1728. (in Russian)
11. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 7, 1731. (in Russian)
12. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 8, 1734. (in Russian)
13. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 15, 1727. (in Russian)
14. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 17, 1727. (in Russian)
15. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 12, 1733. (in Russian)
16. AVPRI, F. 77, Op. 1, D. 3, 1720. (in Russian)
17. AVPRI, F. 109, Op. 109/1, D. 1, 1757. (in Russian)
18. AVPRI, F. 109, Op. 109/1, D. 1, 1759–1760. (in Russian)
19. AVPRI, F. 77, Op. 7, D. 129. (in Russian)
20. Bronevskij S.M., *Novejšie izvestiya o Kavkaze sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim v 2-h t*, Saint-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, 464 p. (in Russian)
21. Bushev P.P., *Posolstvo Artemiya Volynskogo v Iran v 1715–1718 gg. po russkim arhivam*, Moscow, Nauka, 1978, 288 p. (in Russian)
22. Ivanov M.S., *Oчерк istorii Irana*, Moscow, Politicheskaya literature, 1952, 470 p. (in Russian)
23. *Istoriya Irana s drevnejshih vremen do konca XVIII v.*, Leningrad, Izd. LGU, 1958, 391 p. (in Russian)
24. Korsakov D.A., *Iz zhizni russkih deyatelej XVIII veka*, Istoriko-bibliograficheskie oчерki, Kazan, Tip. Imp. Univ, 1891, 476 p. (in Russian)
25. Mamedova G., *Russkie konsuly ob Azerbajdzhane 20-60 gody XVIII v.*, Baku, Ehlm, 1989, 128 p. (in Russian)
26. Markova O.P., *Rossiya Zakavkaze i mezhdunarodnye otnosheniya v XVIII v.*, Moscow, Nauka, 1966, 323 p. (in Russian)
27. Nekrasov G.A., *Rol Rossii v evropejskoj mezhdunarodnoj politike 1725–1739 gg.*, Moscow, Nauka, 1976, 320 p. (in Russian)
28. Nikonov O.A., *Razvitie mezhgosudarstvennyx otnoshenij v Aziatsko-Kaspijskom subregione v XVIII–XIX vv.*, ScD dissertation (History), Moscow, 2011, 621p. (in Russian)
29. Novaya istoriya Irana. Hrestomatiya, ed. M.S. Ivanov, V.N. Zajcev, Moscow, Nauka, 1988, 327 p. (in Russian)
30. *Poslannik Petra I na Vostoke. Posolstvo Florio Beneveni v Persiyu i Buharu v 1718-1725 godah*, Moscow, Nauka, 1986, 159 p. (in Russian).
31. Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Ekonomiki (RGAEH), F. 7590, Op. 3, D. 25. (in Russian)
32. Sotavov N.A., *Severnyj Kavkaz v kavkazskoj politike Rossii Irana i Turcii v pervoj polovine XVIII veka*, Mahachkala, Dag. Kn. Izd-vo, 1989, 228 p. (in Russian)
33. Yuzefovich T., *Dogovory Rossii s Vostokom politicheskie i torgovyje*, Saint-Petersburg, 1869, 296 p. (in Russian)

Никонов Олег Александрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории, Московский педагогический государственный университет, Nikonov100@mail.ru

Nikonov O.A., ScD in History, Professor, Modern and Contemporary History Department, Moscow State University of Education, Nikonov100@mail.ru